

Глава 28. Сегодня не кончается.

Промысловые лыжи, широкие, на оленьем меху, надёжно держали в самых глубоких ярах, не проваливались и не черпали снега. На таких лыжах можно свободно пройти всю тайгу насквозь. Только бы сил хватило да было зачем.

Вчера из района, как ни спешил, вернулся поздно. Хотел тотчас же отправиться в Летяжье, вдогонку за ребятами, но мать отговорила: куда в ночь, усталый, из одной дороги в другую. Ничего с твоими школьниками не случится — взрослые парни и девки, в старину такие уже по второму ребёнку нянчили. Да и старик Лука с ними.

Она ни словом не обмолвилась о его поездке в райцентр, но от скорбных её глаз Аласову делалось не по себе. Смотрит так, будто он уже обречён. В какой-то миг (словно душа надломилась) ему захотелось, как в детстве, припасть к коленям матери, зарыться лицом в её фартуке.

Но он засмеялся во всю глотку, прочитав нечто забавное в газете, которую просматривал за ужином: «Слушай, мама, что написал один пенсионер...» Приступ сыновнего веселья среди ночи несколько не развеселил мать. Она даже стала посматривать на него с некоторой опаской: ишь ты, как хохочет странно...

Ну да ладно! Спать, спать! Завтра подняться затемно и — в Летяжье!

...Тонко повизгивая на прочном насте, лыжи несут его вперёд, сквозь сумрачную чащобу. Деревья впереди сливаются в сплошную чёрную стену, и только в одном углу неба, над макушками лиственниц, засерела промоина. В эту промоину одна за другой исчезали предутренние звёзды. Лишь искристая Венера, вызывающе яркая, долго ещё мелькая меж стволов, неслась рядом с лыжником.

Мать не ошиблась — ничего хорошего из этой поездки в райцентр он не привёз. Всё вышло на редкость нескладно. Прежде всего, ему не дали слова на учительском совещании. Сработала та нехитрая механика, когда председательствующий выбирает из списка наиболее подходящие ему фамилии, а остальных — под черту: «Товарищи, поступило предложение прекратить прения». Сомлевший от двухдневного говорения, зал охотно голосует: «Подвести черту!»

Тимир Иванович сидел в президиуме рядом с завроно, поблёскивали его очки, отражая все электричество зала. Он то и дело шептался о чём-то со своими соседями слева и справа.

Арылахскую школу вспоминали часто, и всё «во здравие». Особый фурор произвело сообщение о том, что знатный педагог, старый большевик Левин, построив дом на собственные средства, подарил его вместе с личной библиотекой деревенской молодёжи. Добрых пять минут зал стоя аплодировал старику... Понятно, что аплодисменты перепадали некоторым образом и самой

школе, её руководству. Своё выступление Кубаров с того и начал: «Педагоги нашей школы, в числе которых мой старый друг и товарищ Всеволод Николаевич Левин...» — и сорвал в этом месте ещё один всплеск оваций.

Но, может быть, в «зажиме» Аласова была даже своя справедливость? Представить только, какой бомбой после этих аплодисментов оказалась бы та речь, какую он вынашивал!

Так или иначе, но речь произнесена не была, и, услышав о подведении черты, Аласов с досадой смял приготовленные листки.

Майя успокаивающе прижала его локоть тёплой ладошкой: «Выше нос, Серёжа! Сегодняшним днём жизнь не кончается...»

Он улыбнулся ей, тряхнул головой.

В перерыве Аласова разыскала какая-то девица и осведомилась о его ближайших планах.

«Если у вас будет свободное время, вас просит зайти в райком партии второй секретарь Марк Дмитриевич Сокорутов».

«Да я и сам к нему собирался...»

«Вот и хорошо, совсем удачно. Марк Дмитриевич ждёт вас».

Сокорутов эти дни сидел в президиуме, солидный такой дядя с залысинами. Раньше Аласову встречаться с ним не доводилось. «Что день грядущий мне готовит?» — чувствуя некоторый холодок в груди, подумал он и на всякий случай расправил смятые записи, пожалуй, ещё сгодятся...

Увы, бумажки эти в райкоме не сгодились. А от самой беседы с Сокорутовым только и осталось: «Учтите, товарищ Аласов, вам есть о чем серьёзно подумать!»

Сергей взмахнул палками, надавая ходу, словно стремясь подальше убежать от того, что было. Деревья впереди поредели, обозначился алас. Вот тебе и Летяжье. Искры фейерверком бурлили над трубой маленькой юрты — то-то шуруют топку молодые кочегары!

Ещё месяц назад родилась у десятиклассников эта славная идея — на каникулах всем вместе поохотиться в тайге. В Летяжьем есть юрта с отличной печкой и всем прочим, что нужно для жизни. Летом здесь приют фермерских доярок, а зимой юртой полностью распоряжается дед Лука Бахсытов, балуется ружьишком, ставит силки. Всё сложилось как нельзя лучше: Лука Максимович обещал приготовить юрту к приходу юной компании, поводить ребят по своим охотничьим тропам. Колхоз тоже расщедрился (Кардашевский с некоторых пор в десятиклассниках души не чает), выделил лошадь и сани.

Аласов договорился с ребятами: его не ждать, сам приедет в Летяжье, как только освободится.

— Можно к вам, товарищи? Разрешите узнать — охотники здесь собрались или любители набивать брюхо? Утро уже на дворе, а они все завтракают!

В ответ раздался такой радостный вопль, что едва не погасла лампа на столе. Ребята накинулись на учителя — кто стаскивал с него заплечный мешок, кто полушубок, а иные просто гомонили в избытке чувств.

— Не надо, Сергей, не говори так о моих гостях, — заступился за школьников дед Лука. — Они не сони, а вовсе бессонными охотниками оказались. Всю ночь заставляли меня, выжившего из ума, вспоминать всякие были и небылицы. Да ещё песни кричали, да танцевали с гитарой. Такие у нас тут дела. А что они сегодня подстрелят на охоте — одному богу известно...

— Сергей Эргисович, что в районе было? — вспомнил кто-то за завтраком. — Хвалили нашу школу?

— Ещё как! И следопытов наших отметили и добровольцев-колхозников...

— Ай да молодцы мы!

— Золотой народ!

— Первое место по хвастовству.

— А как мы уезжали из Арылаха, если бы вы только видели, Сергей Эргисович! Переселение народов Северо-Восточной Азии. Вся деревня на ногах! Мамаши кричат, собаки лают, слёзы ручьями... Мы уже скарб в сани грузим, а наших девчат матери назад за полы тащат: где это слыхано, чтобы девочки на охоту? Корзину с охотприпасами едва не потеряли. Провожали как на войну...

Насытившись, охотники и охотницы во главе с Аласовым и дедом Лукой вышли на боевую тропу. План охоты был таков: три группы, у каждой свой маршрут. Самые ярые сплотились вокруг берданки деда Луки. Другую группу препоручили Киму Терентьеву — охотнику наследственному (отец его был промысловиком). Третий отряд Аласов взял на себя.

— Кто вернётся без добычи, будет спать эту ночь на снегу, под дверью юрты! — грозно предупредил Ким Терентьев. Весь он был как с картины — обвешанный петлями, перетянутый ремнями; верные его ассистенты волокли на себе капканы и несколько дюжин черканов.

Три цепочки потянулись в разные стороны от юрты, ребята ещё некоторое время продолжали перекликаться меж собой — сколько голоса доставало.

— Эгей! А вы знаете — когда Терентьев родился — вороны уже радовались.

— С чего бы?

— За таким охотником будет чем поживиться...

— Ха-ха! У нашего доброго молодца левая рука — чёрный соболь...

— Медведя добудьте, мальчики!

— Отставить! — подал голос Аласов. — Нападёте на берлогу — не трогать! Категорически запрещаю, слышите?

— Ни пу-ха!.. Добы-ычи...

— Какая уж там добыча, — только и сказал дед Лука. — Орут, на двадцать вёрст в округе всё живое распугали...

В команде Аласова девушки идут налегке, их котомки добровольно взялись тащить ребята. «Лучше мы сейчас их котомки понесём, чем потом их самих тащить», — трезво рассудил Брагин.

Гоша Кудайсов и Лира Пестрякова, оба в ватных брюках — глянешь сзади — два мальчика-подростка, и только. Лира в школе скромнее скромного, но после поездки в Чаран всё чаще слышишь в классе её голосок. Однако Гоша записался в бригаду добровольцев, а Лире Пестряковой в этом списке нет...

Интересно, как бы реагировали Пестряковы, запишись их дочь в колхозники? Как вообще у них дома? Надо думать, ей всё известно. Интересно бы узнать, как она, их дочь, воспринимает позорное поведение папаши-завуча?

Погоди-погоди, Сергей Эргисович. Почему ты так уверен, что дочь Пестрякова считает позицию отца позорной? Ведь не кажется же она позором ни Кубарову, ни Сосиным с Кылбановым, ни Сокоуротову в райкоме...

На приём к Сокоуротову он шёл с надеждой: сейчас всё разъяснится. Так всегда думается человеку, когда он безусловно уверен в своей правоте, когда ослеплён ею и не даёт себе труда представить: а как дело видится иными глазами, с другой стороны?

Но пойми, подумай: так ли просто было Сокоуротову разглядеть истину сквозь «факты», преподнесённые ему Пестряковым? Не просто. Но всё-таки он обязан — на то и секретарь! Как бы ни складывались обстоятельства. Чёрт их побери, эти обстоятельства!

Вблизи Сокоуротов оказался много моложе, несмотря на залысины. Круглое и сонноватое лицо его не отражало никаких эмоций. Костюм на секретаре был совсем ещё новый, а рукава хозяин уже успел извозить по столу, залоснить. За разговором эти рукава то и дело отвлекали. Аласов даже разозлился на себя: привязалась чепуха, что тебе до этого!

Помня, как много нужно ему сказать, Аласов не стал затягивать «общую часть» про жизнь и здоровье. Важно было сказать о школе, обрисовать все сложности так, чтобы Сокоуротов увидел картину как бы своими глазами.

Человеческая наша наивность! Ничего-то из своей обширной программы Аласов не осуществил. Дурацкое положение — чего бы он ни касался, Сокоуротов тут же любезно останавливал его: «Это нам известно, товарищ Аласов. Об этом мы осведомлены». На круглом густобровом его лице ничего,

кроме терпения, не отразилось в продолжение всего рассказа: «Да... да... Продолжайте, пожалуйста. Только не так подробно... Это ясно».

«Так, всё ясно», — сказал он с облегчением, когда Аласов исчерпал свои попытки «нарисовать картину». Если секретарю вопросы заранее известны, то, может, и ответы, готовы? Оказывается, были готовы не только ответы, но даже решения. Он, Сокорутов, уже успел обменяться мнениями с завроно товарищем Платоновым о положении дел в Арылахской школе, о той... э... некоторой шумихе, что там возникла... «Так что наше решение, о котором я сейчас скажу, следует понимать как согласованное».

«Решение?»

«Да, уважаемый Сергей Эргисович. Ясно, что вам, человеку в Арылахе новому, сработаться с руководством школы не удалось. Да, видимо, уже и не удастся. Очень жалко, конечно. Предполагалось при Арылахской школе образовать самостоятельную партийную организацию, и кандидатура Аласова на пост секретаря до сих пор казалась наиболее подходящей... Что делать. Трения, какие возникли, не на пользу школе, поэтому принято такое решение. Бордуолахская школа давно страдает без историка... Конечно, селение Бордуолах отдалённое, но, значит, тем более там нужны энергичные работники. Райком в этом случае весьма рассчитывает на опыт и партийную активность Сергея Эргисовича. Следует заметить, что назначение не без перспективы: бордуолахский директор который год рвётся на учёбу, так что с осени, вполне реально, товарищ Аласов сможет принять все ключи от школы...»

О ключах Сокорутов сказал уже весело, будучи убеждён, что перспектива стать директором для Аласова лучшее утешение.

«Значит, всё-таки заледенелой жердью, как обещал Пестряков?» — горько усмехнулся Аласов.

«Не надо, товарищ Аласов, переходить на личности. Будем говорить только о принципиальных вещах. «Заледенелой жердью», говорите? Не думаю, не думаю. Слабо вяжется с товарищем Пестряковым, каким я его знаю. Человек он на редкость интеллигентный».

Заметив усмешку Аласова, секретарь пристукнул ладонью по столу:

«Вам кажется, товарищ Аласов, что я говорю нечто смешное? Однако хочу, чтобы, выходя из райкома партии, вы уяснили себе твёрдо: Арылахскую школу, лучшую в районе, мы вам на погром не дадим! Вы явились сюда на готовое, приехали, извините, из дальних странствий, а мы эту школу, как деревце, растили. Вам смешно? Но для меня Арылах связан прежде всего с именами Пестрякова, Кубарова, Левина. Пока они там — за эту школу я спокоен. Ошибки и недостатки? Вполне допускаю. Больше того, всё, что было полезного в вашем рассказе, будет взято на заметку и проверено — за это не беспокойтесь. Хотя

скажу уже сейчас: ничего особенного я не услышал. Это типичные недостатки многих школ, и мы боремся с ними планомерно. Всё дело в том, под каким углом посмотреть на факт, под каким соусом и с какой приправой его подать. У педагогов Кылбанова и Сосина вы находите завышение отдельных оценок отдельным ученикам? Вполне возможно. У нас пока учителями работают живые люди, а не кибернетические машины».

«Да ведь я же говорил не о промахах, а об умышленном...»

«Не будем спорить. Я вас выслушал, товарищ Аласов, теперь вы меня послушайте. Другой пример: завуч, как вам кажется, слишком строго подошёл к учительнице Саргылане Кустуровой. Допускаю. Но я беру при этом во внимание, что Кустурова весьма молодой педагог. И с первых же шагов фокусы — отказывается выполнять распоряжения завуча! Думаю, что верно поступили товарищи, наложив взыскание на такую... (он поискал слово) работницу. Так что факты, как видим, сложная штука, их и сюда и туда можно повернуть. Относительно вас лично, товарищ Аласов, я не желаю говорить ничего плохого. Мы ведь с вами едва только познакомились. С настоящего момента, думаю, будем знакомы лучше. А Пестрякова, Левина, Кубарова я знаю больше двадцати лет. Прямо скажу: я их уважаю».

«И я уважаю, это мои учителя...» — начал было Аласов, но осёкся, перехватив взгляд Сокорутова, полный иронии.

«Ваши учителя — и вы их... вот таким образом? Итак, ближе к выводам, товарищ Аласов. Мы всё вложили в Арылахскую школу частицу своего труда и никогда не принесём её имени в жертву каким-то драчкам! Поезжайте в Бордуолах, и забудем об этой прискорбной истории. Не хватало, чтобы учителя друг за другом с жердями гонялись!»

«Нет, — сказал тогда Аласов. — Нельзя забыть об этой прискорбной истории. Сам не забуду и вам не дам».

«Вот вы какой! — Сокорутов внимательно, словно только сейчас увидел, посмотрел на собеседника. — Но будем завершать. Я тут не совсем точно выразился... А я ведь школьником вас знал. Помню, как вы в волейбол здорово играли. И всегда ходили вместе с Надеждой Алгысовной... теперь Пестряковой».

«Да, ходил. А что?»

«Нет, ничего. Всего вам доброго».

Глаза его не выражали ничего, кроме грусти по ушедшим годам. Однако само упоминание имени Надежды Пестряковой на прощание было многозначительно. Похоже, обо всём, что касалось Аласова, секретарь был информирован более чем обстоятельно.

Так окончилась эта встреча. Аласова и в самом деле начинали гнать из Арылаха, передавая «заледенелую жердь» из рук в руки.

Во Дворце культуры, где шёл концерт для участников совещания, Майя поджидала Аласова в фойе. Кинулась навстречу, как санитарка к раненому!

«Всё плохо?»

«А что, на физиономии написано?»

«Написано».

«Ты почему не на концерте?»

«Какие уж тут концерты!»

Они долго бродили по заснеженным улицам. Майя слушала внимательно, как только она одна могла слушать.

«Да, дела невесёлые... Но теперь, Серёжа, и я вижу: прав ты, что заварил эту кашу. Иначе нельзя было. И ни в какой Бордуолах ты не должен ехать!»

«Ага, — нашёл Аласов силы пошутить. — Умывала руки: не советчица я тебе, а что теперь? Никак повзрослела наша Майка?»

«С тобой поведёшься — повзрослеешь».

«Ты разве водишься со мной?»

«Серёжа, я ведь серьёзно. Это вовсе не склока, как бы хотелось Пестрякову представить. Тут принципиальный конфликт. Если бы ты уехал в Бордуолах, может, для тебя лично это был бы лучший выход. Сколько сил для настоящих дел сберёг бы! И меня бы в свой Бордуолах с собой забрал, а? Потянулась бы туда за тобой, как отважная декабристка. Но ведь Бордуолах — это бегство! Ребят предать, показать, как просто может быть повержена правда...»

«Ах ты, Майя! Ах ты, славная Майя!» — говорил про себя Аласов, налегая на палки, пока наконец не сообразил, что оставил свою охотничью команду далеко позади. Остановился, стал поджидать.

Хорошо она сказала: сегодня не кончается. Нескладно вышло с Сокоротовым, но ведь этим-то не кончается! Жаль, что не удалось Майю заманить в эти снега. Была прилежной из учениц, теперь прилежнейшая из учителей. Осталась честно отсиживать на всех положенных семинарах и инструктажах.

— Ну вы и помчались, Сергей Эргисович!

Ребята подошли разгорячённые, у Веры даже нос вспотел.

— Где же охота? — спросила она. — Идём-идём, а дичи нет.

— Где наши горностаи и белки? — подхватил Ваня Чарин.

— Тише, товарищи... Ещё тише, — остановил их Аласов. — Дед Лука верно сказал: первое дело на охоте — не шуметь.

— Ну это не для меня! Вот из нашей Нинки охотник получится — за весь день словечка не проронит.

— Следы!

Ребята склонились, рассматривая.

— Это заяц, — уверенно сказал Саша Брагин.

— А когда был? — спросил Аласов.

— Не сегодня. Не с этой ночи. — Саша, присев, потрогал след пальцем. —

Старый...

— А ну-ка ты, Ваня. Что мы там видим?

Чарин растерялся, как у классной доски.

— Это тоже след... С когтями... Может, собачий? Нет, лисий... Верно ведь, лисий?

— Следопыт! — присвистнул Гоша Кудайсов. — Это же косач! Тетерев, косач, понимаешь? Верно, Сергей Эргисович?

— Верно, Кудайсов. Стрелял косачей?

— А чего ж... И косачей приходилось.

— Девочки! Товарищи! Караул! Честное слово, здесь медведь прошёл. И совсем недавно...

Ребята ринулись на помощь, будто Вера обнаружила не только след, но и самого медведя.

— Ха-ха! Медведь... Самый обыкновенный конь прошёл. Это же след от копыт!

— Вот и не от копыт, и не от копыт! — стала защищать своего «медведя» Вера.

— Верно, Верочка, — сказал Гоша Кудайсов. — Самый настоящий косолапый. А зачем косолапому подковы — его личное дело, верно? Пускай хоть в галошах резиновых...

— Проваливай! — обиделась девушка на насмешника.

— В охотничью цепь ра-азвернись! — скомандовал Аласов. — Гоша, будь внимателен. Куропатки у тебя по курсу сели...

— Видел!

Изготовив ружьё, парень внимательно осматривал каждый кустик. Лире передалось его охотничье волнение — она шла рядом тихо, словно плыла по снегу. На опушке Гоша показал на свежие следы:

— Здесь они недавно пробежали. Лира, затаись!

Он начал бесшумно подкрадываться. Лира за ним.

— Смотри внимательно — вон они расхаживают... Теперь надо, чтобы перед мушкой сошлись...

Упирая приклад в плечо, парень старался унять в себе предательскую дрожь: не хватало ещё промахнуться при Лире.

Тут и Лира увидела птиц. Доверчивые, они не подозревали о близкой гибели, белые, удивительно чистые. Вот, прислушиваясь, они постояли рядком, вытянув шеи, потом успокоились, разошлись. И вдруг, словно балерины, очень проворно перебирая ножками, пошли друг другу навстречу. Одна птица с пушистой шейкой (видимо, это был «он», а вторая поменьше, нежная и грациозная, — «она»). Движения у неё лёгкие, робкие. Дошли до валежины, разделявшей их, остановились на миг, затем «пушистик», бойко перескочив через преграду, оказался рядом с подругой. Она, умилённая, положила маленькую головку на его удобную мохнатую шею, спрятала там свой клюв.

Гоша прицелился и плавно стал нажимать на спуск.

— Не стреля-а-ай!

Лира бросилась ему под руку, и в тот же миг прогрехотал выстрел, затрещали и полетели мёрзлые ветки с ближних лиственниц.

— Не стреляй, не стреляй! — не слыша себя, повторяла девушка.

— Да ты что!..

— Убил, да? Уби-ил!..

— Не убил! Ты же мне под руку... Не реви ты, пожалуйста. Улетели они...

Действительно, куропаток и след простыл.

— Ну, Гоша, с чем тебя?

— Ни с чем, Сергей Эргисович. Промахнулся я... — нехотя ответил парень, повесив ружьё на плечо стволом вниз. И с силой нажал на палки. Лира, виновато потупившись, последовала за ним.

Так-то оно бывает, братцы охотнички.

Пройдя лиственную чащу насквозь, отряд дружно ринулся на штурм пологой сопки. Наверху стояла высокая сосна — совсем как у Лермонтова. Идя лыжным клином, в десять голосов загорланили... «На се-ве-ре ди-ком сто-ит оди-ноко...»

— И до чего же ты, Верка, тяжёлая, — сокрушался Саша Брагин, утирая пот. Ему досталось сопровождать наверх толстушку Тегюрюкову.

— Стыдись, рыцарь бледный!

Молодое солнце сияло в снегах. Ветерок разогнал изморось, небо заголубело. Утро, солнце — ничего нет милее! Зимой ли, весной, поздней ли осенью — всегда. Ещё Аласов не учился в школе — лет шесть было ему. Мать разбудила: поищи корову. Раздирая рот от зевоты, натянул он порточки, побрёл на выгон. И поразился тому, что уже сто раз до этого видел: на цветах, листках, на каждой мелкой веточке — по хрустальной бусине, а в каждой бусине своё маленькое солнце. Выгон блестел, как волшебный край, о котором рассказывали песни-олонхо.

Чувство утра — как чувство прозрения. Пока человек способен восхищаться каждым новым утром — до той поры он и живёт. Замереть перед чудом, задохнуться утром, окунуться в утро! Никогда так ясно, как утром, не ощущаешь истинность мудрых слов: жизнь — это действие.

Действие! А ты? Повздорил со вторым секретарём и убрался восвояси: пусть будет, что будет! Но ведь есть ещё Аржаков — первый секретарь. Есть завроно. Есть, наконец, бюро райкома.

Крепко уверен в своей правоте, а дал тягу из райцентра! Показал характер. Старик Левин не зря сказал: «Взрослый мужик ты, солдат, откуда у тебя, Серёжа, эта отроческая робость? Баба Дарья, пожалуйста, так и не дождётся внуков понянчить».

Так вот и живу: одеяло зябко, подушка жёстка, кровать беспокойна. Каким нужно быть рохлей, чтобы до сих пор таиться от любимой женщины! Идут дни, месяцы, а он всё ходит вокруг да около. Баста. Тут предел. Вернусь из Летяжьева — и к Майе. Сенька? Память о нём дорога нам обоим, и уже по одному этому мы должны быть вместе. Сенька был парнем простым и весёлым. Он был живым, как жизнь, и имя его никогда не может быть запретом живому.

Утро, молодость, — таким был Сенька. Как на карточке у Майи: с запрокинутым лицом, со спутанными волосами, в солнечных бликах, весь полон радости.

Утро — это и Сенька, которого уже нет, и забавная Верочка Тегюрюкова, и Ваня Чарин, так доверчиво глядящий на свет божий, и Нина Габышева — мечтательница, молчальница. Спросишь её — ответит «да» или «нет», а сама уставится на тебя вопрошающе, даже не по себе делается: ну что, девочка, о чём ты так трудно задумалась?

— Нина, а Нина! Как дела? Не устала? Что-то ты, милый друг, такая серьёзная нынче?

— Ничего, Сергей Эргисович, — тряхнула головой.

— А всё-таки?

— Смотрю вот... Берёзки. Опустили веточки...

— А на каждой по вороне! — захохотала Вера.

Нина только посмотрела с укоризной на подружку.

Глядите, ребята. Не спешите опять на лыжи, глядите во все глаза. Сердцем глядите. Это всё — наше. Здесь мы живём. Ничто не кончается сегодня! Ещё столько будет разного под этим синим небом.